

Глупость — Неподвижность

Есть дом, в котором живёт каждый из нас, ни разу его не выбрав.

У него нет адреса. Его нет ни на одной карте. И всё же мы знаем его лучше, чем любое место, где по-настоящему жили.

Внутри — десять дверей.

Одни мы открываем каждый день, не замечая этого.

Другие держим закрытыми, делая вид, что они не имеют к нам отношения.

А есть комнаты, которые мы не строили сами и всё равно носим в себе.

Это не теория.

Это не учебник психологии, пылящийся на полке.

Это рассказ человека, который прошёл эти десять комнат одну за другой, часто не понимая, где находится, и который теперь, с несколькими лишними годами на плечах, пытается описать их ровно такими, какими их пережил.

Десять дверей.

Я открыл их все.

Одни — из любопытства.

Другие — нехотя.

Третьи — только тогда, когда поворачивать назад было уже поздно.

Если эти комнаты кажутся знакомыми, то не потому, что они рассказывают мою историю.

А потому, что где-то в глубине они рассказывают и твою.

Ferdinando

Годами я считал, что глупость — то же самое, что невежество.

Потом я передумал.

Я видел людей с малым образованием, которые понимали мир.

И людей с внушительными дипломами, которые не могли понять самих себя.

Глупость — это не нехватка знания.

Это отказ от знания.

Она начинается в тот миг, когда мы перестаём задавать вопросы.

Это удобство веры в то, что известного нам достаточно.

Глупость любит абсолютную уверенность.

Она ненавидит оттенки.

Не доверяет сомнению.

У неё всегда готов ответ.

И поэтому она никогда не слушает.

Когда приходит глупость, рост останавливается.

А когда рост останавливается, жизнь продолжает идти.

Но без нас.

Иногда это становится почти общественной болезнью.

Я помню мать, которая привела к врачу восьмерых своих детей.

Она была в отчаянии.

Она настаивала, что умён только один из них, и хотела улучшить остальных семерых.

Врач не растерялся.

Семь консультаций.

Семь назначений.

Семь счетов.

Мать ушла довольной.

Она получила диагноз.

По её мнению, дети вскоре должны были стать другими.

Они остались ровно такими же.

Только беднее.

Ни одно лечение не провалилось.

Просто болезнь была не та.

Болезнь принадлежала ей.

И ни один рецепт не мог её вылечить.

Ferdinando